

И. Ф. ГОЛУБЕВ

Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в.

В XVII в., в связи с общим социально-экономическим и культурным подъемом Русского государства, расширяется переписка как между официальными, так и между частными лицами, вызвавшая потребность в появлении особых руководств-письмовников, где давались образцы и схемы обращений и писем на разные случаи жизни и к разным лицам. С литературной стороны письмовники XVII в. интересны как памятники тогдашнего эпистолярного стиля. Кроме того, среди имеющихся в них статей обнаруживаются подчас неизвестные произведения литературного и исторического содержания. Так, Д. С. Лихачев опубликовал из небольшого письмовника в рукописи ГПБ, собр. Титова, № 1121, составленного около 1669 г., два стихотворных произведения — любовное письмо и примерный текст послания «добродею моему».¹ В письмовнике в рукописи ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 808 имеется также стихотворное произведение — посадская сатира XVII в.: «Послание дворительное недругу».²

Особый интерес в этом отношении представляет рукопись письмовника Калининского педагогического института (КПИ) № 29,³ содержащая два неизвестных стихотворных произведения, писанных досиллабическими виршами. И по содержанию, и по форме оба произведения несомненно являются списками с действительно существовавших посланий. Задачей настоящей статьи является попытка установить авторов и адресатов этих посланий, а также время их составления.⁴ Первое произведение помещено на лл. 34—38 об. письмовника и адресовано «иноку Арсению», второе — на лл. 47—58 об., анонимно.

В XVII в. с именем «Арсения» известны следующие литературные деятели и справщики книг: 1) Арсений Глухой, 2) Арсений Грек, 3) Арсений Сатановский и 4) Арсений Суханов. Деятельность Арсения Грека, Арсения Сатановского, приезжих ученых-монахов, и Арсения Суханова, иеромонаха, келаря Троице-Сергиевой лавры, относится ко времени исправления книг при патриархе Никоне, т. е. ко второй половине 50-х годов и по-

¹ Д. С. Лихачев. Любовное письмо XVII в. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 67, Кафедра русской литературы, Л., 1948, стр. 38—39.

² См.: Л. С. Шептаев. Послание дворительное недругу. (Посадская сатира XVII в.). — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 371—379.

³ Ее описание дано в нашей статье «Семь рукописных книг XVI—XVIII вв. из собрания Калининского педагогического института им. М. И. Калинина» в настоящем томе. Там же приводится кратко и содержание самого письмовника.

⁴ В настоящем предисловии использованы замечания, сделанные при обсуждении доклада автора в группе древнерусской литературы ИМЛИ И. М. Кудрявцевым, В. Д. Кузьминой, А. В. Позднеевым и др.

следующим годам XVII в.⁵ Рукопись же письмовника КПИ писана, как указывается нами в ее описании, не ранее 1646 и не позднее 1655 г. Поэтому ни один из этих трех Арсениев не может быть адресатом первого послания. Остается, таким образом, инок-справщик Арсений Глухой как наиболее вероятный адресат послания.

Как ни скудны сведения о нем, все же известно, что он был одним из образованных монахов первой половины XVII в., принимавшим участие в исправлении книг еще до Никона.⁶ Год рождения его неизвестен, но в 1595 г. он уже был «старцем», т. е. человеком немолодым и занимавшим влиятельное положение в монастыре. В письмах Арсений Глухой называет себя «селижаровцем», что, по всей вероятности, указывает на то, что он или родился в Селижаровке — посаде Троицкого-Селижарова монастыря (в Ниловой пустыни, на берегу озера Селигер), или был монахом этого монастыря. Став монахом, Арсений странствовал по разным монастырям. Во время этих странствий он изучил грамматику, «священную философию» (диалектику),⁷ латинский и греческий языки, пополняя в то же время свои знания чтением книг в библиотеках монастырей, пребывая, по его словам, «в мысленных трудах и потовех». Свои странствия по монастырям Арсений закончил в Троице-Сергиевом монастыре. Здесь он сошелся с книгохранителем Антонием Крыловым, о котором отзывался как о знатоке и вдумчивом справщике «божественных писаний». В Троице-Сергиев монастырь Арсений попал, по-видимому, уже после изгнания из Московского государства польско-литовских интервентов. Во всяком случае в 1615 г. он уже был там, так как 24 октября 1615 г. Авраамий Палицын «государевым словом» вызывал из монастыря в Москву Арсения Глухого и Антония Крылова для исправления книг. В 1616 г. Арсений, живя в Троицком монастыре, исправлял книгу Канонник, затем Потребник совместно с Антонием Крыловым и попом Иваном Наседкой под руководством архимандрита монастыря Дионисия. Дело исправления книг закончилось для справщиков, в особенности для Арсения, печально. Митрополит Иона, настроенный враждебно против справщиков, в 1618 г. созвал собор под предлогом обсуждения исправлений и добился того, что справщики были обвинены в еретичестве, причем Арсений был назван «пущим развратителем». Арсений был заключен в Вознесенском монастыре, затем содержался на Кирилловском подворье. По его словам, он подвергался ряду мучений, содержался «в железах», из одежды на нем была одна ветхая свитка, часто оставался без куска хлеба. Измученный физически и нравственно, он писал из заключения послания к влиятельным людям и челобитные к патриарху, в которых он пытался оправдать себя и других справщиков и просил о прощении и избавлении от наказания.

Известны два его послания: одно к боярину Б. М. Салтыкову, другое к протопопу Ивану Лукьяновичу. В первом послании он описывает обстоятельства, при которых справщики начали дело исправления книг, приводит поправки, сделанные ими в книгах, и яркими красками изображает невежество тех лиц из московского духовенства, которые обвиняли его

⁵ Об Арсение Греке см.: Русский биографический словарь (далее: РБС), т. II. СПб., 1900, «Алексинский—Бестужев-Рюмин», стр. 304—307; С. А. Венгеров Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. I. СПб., 1889, стр. 757—762; В. Колосов. Старец Арсений Грек — ЖМНП, 1881, сентябрь, стр. 71—93. Об Арсение Сатановском см.: РБС, т. II, стр. 307. Об Арсение Суханове. С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь ..., т. I, стр. 770—771.

⁶ С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь ..., т. I, стр. 754—757; РБС, т. II, стр. 302—304; Д. Скворцов. Инок-справщик Арсений Глухой. Тверь, 1890.

⁷ См прим. 12.

в еретичестве: «Не знают-де они, — пишет он, — ни православия, ни кри-вославия, точию на едину строку зрят, божественныя писания по чернилу проходят, разума же сих не нудятся сведети».⁸

О судьбе челобитных Арсения ничего неизвестно. Интересно, что в письмовнике, который содержит публикуемые нами послания, перед виршевым посланием к Арсению помещена анонимная челобитная (лл. 32—33 об.) «святейшему кир имярек патриарху московскому и всеа Русии». В ней челобитчик просит патриарха помиловать его, «разрешить от уз». Челобитная заканчивается следующей мольбой автора: «Государь, смилуйся для господа бога, милость покажи о мне для пречистые богородицы ... и для моих нужных и великих скорбей и путных томлений и гонения от ненавистных врагов. Смилуйся, государь великий, святейший кир имярек патриарх московский и всеа Русии». Не есть ли это одна из челобитных Арсения? По-видимому, челобитная эта была направлена Филарету, ставшему патриархом в 1619 г., вскоре после возвращения его из польского плена. Об этом, как кажется, говорит употребленный в челобитной титул «государь великий», которого, кроме Филарета, другие патриархи (до Никона) не имели. Возможно, что именно эта челобитная побудила Филарета пересмотреть дело справщиков, и они были освобождены в том же 1619 г. Арсений был снова приставлен к книжному делу на Печатном дворе и работал справщиком приблизительно до 1635 г., так как в этом году он был уже головщиком в Троицком Богоявленском монастыре, что в Кремле.⁹ Когда и где умер Арсений, неизвестно. Можно, однако, предпологать, что из Москвы он уехал в какой-то монастырь. Его имя записано в Синодике Кирилло-Белозерского монастыря.¹⁰

В рассматриваемом виршевом послании имеются, по нашему мнению, достаточные доказательства того, что оно адресовано именно иноку-справщику Арсению Глухому. В послании Арсений называется «велеумным мужем», человеком, обладающим «крепкоумием», т. е. большою силою ума, человеком, могущим разрешать сомнения и колебания в умах друзей. Послание (публикуется на стр. 404—407) адресовано в монастырь (56—59),¹¹ а Арсений, уехав из Москвы, поселился, как указано выше, в монастыре. Автор пишет, что отъезд Арсения лишил его друзей возможности пользоваться знаниями Арсения в разрешении сомнительных вопросов (95—98), и следующим образом оценивает ученость Арсения (117—118):

Есть разумных людей в великом государстве,
Но не излишней и ты был в Московском царстве.

Автор призывает Арсения возвратиться в Москву (83—86):

Прииди, возлюбленне, в царствующий град,
Да насадиши в душах наших доброплодный виноград,
И вселися по-прежнему близ царствующего града,
И да будет мысли нашей велика в том отрада

Известно, что во время своих странствий по монастырям Арсений приобрел «прелюбезнейшую», по его словам, «паче инех книгу Ивана Дамас-

⁸ РБС, т II, стр. 303

⁹ Д. Скворцов Инок-справщик Арсений Глухой, стр 8.

¹⁰ Там же, стр. 9

¹¹ Здесь и далее в скобках — номера стихов.

кина».¹² Об этой книге упоминает и автор послания, говоря о своем намерении приехать к Арсеню (132—133, 136—137):

И мы, грешнии, помышляем к тебе сами быти,
И некое время у твоего любомудрия побыти...
Да одна Дамаскинова многоразумныя книги,
И связаны есмы мыслию об ней, аки некими вериги.

Своей деятельностью по исправлению книг Арсений, как мы видели, нажил себе достаточно врагов. Они несомненно не оставляли Арсения в покое и после того, как он был освобожден из заточения патриархом Филаретом, а после смерти последнего (в 1633 г.) продолжали злобно клеветать на него и восстанавливать против него нового патриарха и самого царя. Возможно, что это было причиной того, что он ушел из Печатного двора (около 1635 г.), отошел вообще от исправления книг, стал сначала головщиком в Кремлевском монастыре, а затем и вовсе уехал из Москвы в дальний монастырь, может быть в тот же Кирилло-Белозерский, где и умер. В послании не один раз говорится о «ненавистниках» и «завистниках», восстающих на Арсения и его друзей (99—108):

И егда нас раздражают и грехом нашим стало велиим,
И всем им востати на нас, аки зверем дивным,
И ненавидят над нами от самодержца призрения.

Кто же был автором данного послания? Уже из начальных стихов видно, что автор — лицо духовное, но еще не имеет чина «священства», не является иереем, т. е. священником, как, по-видимому, следует понимать стихи (7—9):

Не всяк может слагати душеспасительныя стихи,
И несть достоин нарещися чину священства,
И изряднаго на себе по чину носити иерейства.

Однако автор — человек начитанный. В своем послании он рассуждает об иноческой жизни (63—68), приводит свидетельства «божественного писания», изречения из «Пчелы» (35—37, 69—70). Послание показывает, что автор хорошо знаком с тогдашней эпистолярной манерой. Это сказывается, несмотря на его стихотворную форму, в построении послания, в его стиле и фразеологии. Так, послание начинается обращением к адресату с указанием его имени, далее следует пожелание ему здоровья, сообщение автора о себе и своем здоровье, изложение причин письма и рассуждения автора и т. д. При этом автор употребляет и типичные для «епистолий» того времени словесные обороты и выражения. Таковы, например, выражения: «Многогрешный и неключимый раб»; «Последний во всех человецех, а первый в грешницех» (3, 5—6); «А нам бы слышачи твое доброе пребывание радоватися» (16—19); «А пожалуйешь своим благоутробием про нас вопросишь» (20); «А мы, грешнии, по сей час душевне живы, Аще и возрастают в ней помыслы гнилыя» (22—23). Автор наряду с восхвалением ума и душевных качеств адресата подчеркивает свое «худоумие» (29—32, 39—46, 73—75, 168—169 и др.).

Биографические сведения об Арсении Глухом содержат указания на нескольких человек, с которыми был связан Арсений по исправлению книг. Это архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий, книгохранитель

¹² См. Д. Скворцов. Инок-справщик Арсений Глухой, стр. 2. — Вероятно, имеется в виду Дамаскинова «Священная философия».

Антоний Крылов, поп Иван Наседка. Неизвестно, была ли между ними и Арсением какая-либо переписка после совместной работы над исправлением книг и освобождения от наказания. Сам Арсений писал из заточения, как уже указывалось, боярину Б. М. Салтыкову и протопопу Ивану Лукьяновичу; может быть, и они ему писали, но их письма до нас не дошли.

По нашему мнению, имя автора послания все же указывается в самом послании, именно в следующих стихах (10—11):

Но обаче отрыгновение твое по именованию венец¹³
 Тако же молит получить от бога добрый конец.

Слово «венец» есть в данном случае, очевидно, перевод с греческого языка на русский язык мужского имени «Стефан» (στέφανος — венец), и оно явно относится к автору послания, что подтверждается и последующими стихами (12—13):

Падая на земли, много челом бьем
 И от сердечного желания к тебе вопнем.

Тогда слово «отрыгновение» можно истолковать как «ученик» или «помощник», т. е. подразумевать под этим словом человека, как-то близкого Арсению. Скорее всего это был или кто-либо из иноков Троице-Сергиева монастыря или помощник Арсения по исправлению книг во время работы его на Печатном дворе. В связи с этим у Стефана и Арсения могли быть общие недоброжелатели из среды тогдашнего московского консервативного духовенства, те «ненавистники», от которых пострадал Арсений и которых, по-видимому, Стефан и имеет в виду в своем послании.

Стефан называет свое послание «утешительным словом», цель его — выразить сочувствие Арсению в связи с нападка ми врагов и сожаление о его отъезде из Москвы, вследствие чего его друзья лишились мудрого и просвещенного наставника. Стефан просит Арсения не гневаться, что долго не писал ему, ссылаясь на разные «житейские суеты», а также и на то, что и сам собирался ехать к Арсению и ждал его приезда в Москву (132—134, 138—145).

Как человек начитанный, Стефан, можно думать, был знаком с произведениями виршевой поэзии своих русских современников, а также с ее образцами по печатным украинским и литовским изданиям XVI—начала XVII в. Нет поэтому ничего удивительного в том, что свое послание Арсению Стефан написал в стихотворной форме. Но также несомненно, что перед нами не первый опыт Стефана. Правда, в послании имеют место как будто пропуски стихов, а с другой стороны, — стихи, которые кажутся случайными вставками, некоторые искажения текста, ошибки в рифмах, но все это вероятнее всего должно быть отнесено за счет небрежности, невнимательности, неправильного чтения переписчиками текста послания.¹⁴

¹³ Разрядка наша, — И Г

¹⁴ Так, случаи пропусков или вставок, по нашему мнению, наличествуют в следующих местах послания: в стихах 20—25 (между стихами 20—21 и 24—25) —

А пожалуйшь своим благоутробием про нас вопросишь,
 Да даст ти господь, чего у него просишь,
 А мы грешнии, по сей час душевне живы,
 Аше и возрастают в ней помыслы гниавы,
 А в сквернем теле его же святая воля,
 А въпред он же сам истинный свет вестъ;

В общем же послание представляется довольно стройным по содержанию, цельным по выраженному чувству и умелым по стихотворной форме. Стефан дорожит своим произведением, на которое, как он пишет, «положено грудов немало», и просит адресата «не истеряти» его «писанейде» (176—179). Судя по всему, данное послание только одно случайно дошедшее до нас произведение Стефана.

Остается определить время составления рассматриваемого послания. Поскольку известно, что Арсений до 1635 г. был в Москве, оно не могло быть написано ранее этого года. Скорее всего Стефан написал свое послание некоторое время спустя — год или два — после отъезда Арсения из Москвы. Его вопрос к Арсению: «Почто, всеизрядне, царствующий град оставил?» — в этом случае кажется всего более естественным. Поэтому послание могло быть написано и послано Арсению в 1636 или 1637 г.

*

Второе послание еще более обширное, чем первое. В нем после разбивки текста на стихи получилось примерно 311 стихов. Оно не имеет заглавия, как и первое послание, и не называет ни автора, ни адресата. Его начальные стихи: «Твое же, государь, писано словенски по краегранесии» и т. д. являются довольно неожиданными. По-видимому, перед ними был какой-то текст, который писец письмовника почему-то опустил.¹⁵

С другой стороны, конец публикуемого послания, начиная со стиха 288 — «Паки здравствуй, государь, о всещедром Христе», как кажется, составляет особое послание и присоединен к предыдущему тексту механически. На это как будто указывает и тот факт, что начальная буква «П» в стихе 288 писана киноварью.

Автор и адресат в послании не указываются. Судя по началу, послание является ответом на полученное автором письмо, в котором, вероятно, было несколько рифмованных строчек, где имя писавшего было написано «по краегранесии», т. е. начальными буквами этих строчек. Свое же имя автор назвать не хочет, потому что оно «многими и безмерными грехи обременено», а кроме того, «несть пользы во многогрешном нашем нарицании, аще не пребудем в добродетельном деянии».

в стихах 49—50 —

Якоже бо некая чада, имюще печаль, аки некое великое время (?),
Не видеши рождаших своих, и не могут их забыть,

в стихах 55—59 —

Почто, всеизрядне, царствующий град оставил,
А любомудрия своего нам, грешным, не прибавил,
Паче же в нем великия и красныя холмы,
И укрепился еси ныне во единой оgrade жити.

См. также стихи 124—126, 164—165.

Ошибки в рифмах: бьет — вопием (стихи 12—13); туп — поступи (29—30), великим — дивним (99—100), книги — веригами (136—137), посправити — дождатися (172—173) и др. (см. исправления, сделанные в публикуемом тексте послания).

¹⁵ Между 46-м и 47-м листами в рукописи один лист утерян. Послание начинается на л. 47. Вверху страницы сохранилось несколько строчек конца какого-то послания: «прельщает нас, хошет, иже бы и весь мир соблазнити, но прокленет его бог, и будет бог между нами с нами. Аминь». Этот текст по содержанию нельзя отнести ни к посланию на л. 46, ни к нашему посланию, тем более что наше послание начинается несколько ниже.

В послании довольно ясно указывается, какие обстоятельства вызвали его написание. Так, мы узнаем, что автор находится в «беде и напасти» (152); он пишет о себе, что «особная великая скорбь и беда за грех мой постигла и без черного одеяния и без самовольного обещания до конца постригла» (210—211), что он «страждет и погибает». Автор вспоминает прежние к себе милости адресата, великим «жалованьем» которого он со своими «червишками» питался «довольно время» (148). Но теперь прежнее «жалованье» (т. е. помощь), полученное автором от адресата, «все изошло», пришло «понужное время» (208—209), и автор снова просит адресата быть ему «помощником и заступником» в его «беде и напасти» (152) и поддержать его, пожаловать «на препитание многогрешной души и телу и з горькими сиротами» (256), чтобы ему, «бедному, и с червишками вконец не пропасть» (153).

Автор не один раз пишет, что обращается к адресату о помощи и поддержке, потому что в постигшей его беде он не имеет никого «милующего, ни утешающего», что «многие, аки аспиды глухия, затыкают своя слухи» и «злым немилосердием и скупостию одержими, аки слепотою» (157, 166, 212, 267—268). Автор не скупится на сравнения для изображения своего тяжелого положения. Он пишет, что его все презирают, как траву, растущую в «засени»; как дуб, поваленный на дороге, который все попирают ногами; как сосуд «непотребный», выброшенный вон; как камень, брошенный в море, который никто не пытается вытащить (170, 216—220). Постигшие автора «беды и напасти» переживаются им тем более тяжело, что он, по его словам, «страждет и погибает» напрасно; об этом обстоятельстве известно и адресату (156).

Послание явно писано человеком, находящимся в заключении и подвергающимся при этом истязаниям. Автор жалуется, что он «на всяк день смертное биение от спекуляторей» терпит (159). В другом месте он пишет, что предан «злым и немилостивым змием», которые «на всяк день и час тянут сердце, аки клещами, и злым умышлением измождавают жилы, аки огненными свещами» (249—251). Автор дошел до крайней степени отчаяния. Он пишет, что от «бед и напастей» рад бы был «живым уйти в землю» и только вера и имя Христово не позволяют ему самого себя лишить жизни (158, 160—163).

По нашему мнению, автором настоящего послания является не кто иной, как литературный деятель XVII в. князь Семен Иванович Шаховской. В этом убеждает нас то, что обстоятельства, при которых было написано данное послание, соответствуют некоторым фактам из жизни С. И. Шаховского, претерпевшего немало разных «бед и напастей». Об этих фактах мы узнаем из его «Домашних записок», написанных около 1649—1650 гг.,¹⁶ а также из дошедших до нас его посланий к разным лицам. «Домашние записки» начинаются 1601 г. и заканчиваются 1650 г. Будучи на службе при царях Василии Шуйском, Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче, С. И. Шаховской то и дело подвергался опале. Уже в 1606 г. царь Василий Шуйский велел прислать его со службы «за приставом». Из Москвы Шаховской без объяснения причины («не сказал мне никакой вины») был сослан в Новгород «в мор». Но не успел он доехать до Новгорода,

¹⁶ «Домашние записки князя Семена Шаховского» опубликованы в журнале «Московский вестник» (ч. V, М., 1830, стр. 61—73). Подробная биография С. И. Шаховского приводится в работе С. Ф. Платонова (Древнерусские повести и сказания о Смугном времени XVII в. как исторический источник. — ЖМНП, 1888, март, стр. 118—133, и в отдельном издании этой работы). См. также: РБС, «Чаадаев—Швитков». СПб., 1905, стр. 586—589. Тут же и перечень произведений и посланий Шаховского.

как ему было велено отправиться в деревню и жить там «до указа». В 1615 г. он был сослан в Унжу за челобитье, поданное вместе с другими участниками, в котором челобитчики жаловались, что они «заволочены со службы да на службу», но пострадал, как кажется, один Шаховской: «за то челобитье, — пишет он, — мимо всех нашей братьи меня сослали на Унжу».¹⁷ В конце 1619 г. Шаховской женился в четвертый раз, что запрещалось церковными правилами, и этим восстановил против себя патриарха Филарета. В 1620 г. некоторые из князей Шаховских были уличены в политическом деле и приговорены к смерти, но казнь была им заменена ссылкой в «понизовые города» с заключением в тюрьмах.¹⁸ Хотя князя С. И. Шаховского в то время не было в Москве и он не был виноват, он опять подвергся опале по этому «чужому делу» и в 1622 г. был сослан в Тобольск.¹⁹ Перед ссылкой он был разлучен с женой и детьми, у него были отняты имения, а сам он был посажен в тюрьму. В последующие годы положение Шаховского то улучшается, то он снова попадает в опалу по неизвестным для него причинам и ссылается на воеводство в Енисейск, Терек, Усть-Колу и другие города.²⁰

Во время заключения в тюрьме и позднее С. И. Шаховской писал разным лицам послания о материальной помощи и заступничестве, описывая свое тяжелое положение. Так, в «Послании другу о любви и о посещении» он жалуется, что затворен в темнице, отлучен от церкви, лишен «предстояния царского».²¹ Писал он также «моления» патриарху Филарету и другим духовным лицам о прощении («милости») за его «грех», о разрешении жить с семейством и т. п.²² В послании митрополиту Киприану (после 1622 г.) он пишет о «милости и заступлении», так как «четыре времени летных минуло в терпении моем, гоним и прогоним, и всячески озлоблен и расхищен».²³

Князь С. И. Шаховской славился своей начитанностью среди современников. Дьяк Третьяк Васильев говорит о Шаховском, что он был «человеком правдивым, шествующим путем правды, и немало разумеющим божественнаго писания и приемшим по дару божию много здраваго учения».²⁴ Он известен и как плодовитый писатель. Помимо посланий к разным лицам он писал похвальные слова святым, церковные службы, молитвы, исторические произведения.²⁵ В посланиях и исторических статьях С. И. Шахов-

¹⁷ Домашние записки князя Семена Шаховского, стр. 65.

¹⁸ См. об этом «деле» статью профессора И. Полосина «„Игра в царя“ (отголоски смуты в московском быту XVII века)» (Известия Тверского педагогического института, вып. 1. Тверь, 1926, стр. 59—63).

¹⁹ РБС, «Чаадаев—Швитков», стр. 587. — В послании крутицкому митрополиту Киприану он пишет об этом деле: «Моя худости и на Москве не было в те дни, в ни же случися братьям нашим в таковое беззаконие впасти, и не разумехом о том, но не вем, отколе постигоша мя таковая пагуба грех моих ради» (ГИМ, собр. Синодальной библиотеки, № 865, л. 240; см.: А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. II, т. 3. М., 1862, № 327).

²⁰ РБС, «Чаадаев—Швитков», стр. 587—589.

²¹ ГИМ, собр. Синодальной библиотеки, № 865, лл. 85 об.—91.

²² Там же, лл. 96—105: «Того ж де моление к великому во отце отцу святейшему Филарету Никитичу патриарху московскому и всеа Русии о разлучении супружества зело умильно»; лл. 105 об.—116: «Того ж послание умильно архиепископу сибирскому и тобольскому о разлучении ж брака» (после 1622 г., так как пишет, что уже «страждет» третий год).

²³ Там же, лл. 198—243 об.: «Того ж де послание крутицкому митрополиту Киприану о милости и заступлении». Цитата взята с л. 236 об.

²⁴ РБС, «Чаадаев—Швитков», стр. 586.

²⁵ Там же, стр. 589.

ского проводится та мысль, что все несчастья и беды, выпадающие на долю целого ли народа или отдельного человека, являются наказанием от бога за грехи, что люди должны терпеливо относиться к несчастьям и тогда они получают от бога прощение и награду. Так же смотрел Шаховской и на постигшие его напасти и беды. В письме к дьяку Третьяку Васильеву он пишет: «А напасти, государь мой, за грехи постигают мя, а иноге не вем в себе ничего же».²⁶ В «Послании к некоему другу о божественных писаниих» Шаховской пространно пишет о завете обязательной помощи ближнему как о деле, особенно угодном богу, приводя примеры этого из книг «священного писания». Он тут же с осуждением указывает на человека, который не следует этому завету, и предостерегает от подражания ему.²⁷

И в публикуемом нами послании автор, говоря о военных подвигах адресата при отражении нападения врагов на «землю Российскую», пользуется этим для пространного рассуждения о том, что бог «милующи» посылает на людей «скорьби и напасти» или в наказание, или в предупреждение. «Божии казни» идут людям на пользу, подобно «пельни», которая «пользует злопитающих утробу» (61—109, 223—225, 234—235). Обращаясь к адресату за помощью, прославляя его за милосердие и щедрость, оказанные многим людям, автор послания обещает, что бог воздаст адресату за это «здесь и тамо» вечную славу (235).

Публикуемое послание свидетельствует о начитанности его автора. В послании встречаются частые ссылки на «божественное писание»: Евангелие, Апостол, Псалтырь и другие книги, причем цитаты явно даются автором на память. Можно также заключить, что автор был знаком с историческими произведениями, с поучительными сочинениями русских книжников XVI—начала XVII в., со сборниками изречений.

Все вышеизложенное, как нам кажется, подтверждает наше предположение о том, что автором настоящего послания мог быть только князь С. И. Шаховской.²⁸ О том, что С. И. Шаховскому был хорошо знаком стихотворный строй речи, что он писал вирши с неравным числом слогов в стихе, говорит его послесловие в «Послании к некоему другу о божественных писаниих», содержащее 30 рифмованных строк.

Попытаемся теперь разрешить вопрос о том, кому было направлено настоящее послание. Что пишет автор об адресате?

Адресат прежде всего человек знатный по своему происхождению. Несомненно, на это указывает Шаховской, например, в стихе 9: «Подобает паки светлым и благоплеменитым ражатися». Он называет адресата «избранным сосудом, уродившимся во своем благочестивом родстве» (175), т. е. человеком, выделяющимся своими душевными качествами среди своих родичей. Из этих качеств Шаховской отмечает уже в начале послания мужество и храбрость адресата (19). Имея в виду, без всякого сомнения,

²⁶ ВОИДР. М., 1851, кн. 9, «Смесь», стр. 5.

²⁷ ГИМ, собр. Синодальной библиотеки, № 865, лл. 68—84 об. — Шаховской имеет в виду князя И. А. Хворостинина, который, будучи отдаленным родственником Шаховского, не оказал ему помощи. Имя Хворостинина в послании указано тайнописью (л. 77).

²⁸ В послании есть неясная по содержанию фраза (271): «Не погуби самовластным изволением шесточисленного камня драгаго». Не говорит ли здесь автор о себе и своей семье? Это как будто подтверждается и последующими стихами (272—275): «Пожалуй нас грешных и призири в конечной сей беде» и т. д. Не скрывается ли имя автора в выражении «камени драгаго»? Может быть, автор использует библейское учение о 12 драгоценных камнях на одеянии иерусалимского первосвященника, на которых были обозначены имена сыновей Иакова? Среди них был и Симеон (Православная богословская энциклопедия, т. VIII. СПб., 1907, столб. 212—213).

нападение на Русское государство польско-шведских интервентов в начале XVII в., он особенно указывает на заслуги адресата в отражении этого нападения: «Дал нам бог, — пишет он, обращаясь к адресату, — вас крепких и нелестных побарателей, что отгнали от нас таковых злых и немилостивых наругателей». Далее, адресат — воевода, который никогда не бывал «побежден на бранех» (283); военные подвиги адресата, «аки труба, вопиют всегда», он не щадит «лица своего противу сопостат никогда», многие люди удивляются его «мужественному храбръству» и радуются, что бог «принес» его к «великому государству» (9—11, 29—30, 34—60, 114—115, 294—297). Шаховской также указывает, что адресат — человек добродетельный, твердый в православной вере, милосердный ко всем, отзывчивый и щедрый к обращающимся к нему за помощью и слава о нем добрая и хвала «идет явно везде» (20, 116—120, 123—135, 138—141, 227). Наконец, в послании упоминается, что адресат был близок к царскому двору (300, 301).

Очевидно, адресата публикуемого послания князя С. И. Шаховского надо искать среди тех лиц знатного происхождения, близких к царю, с которыми Шаховской вместе служил во время польско-шведской интервенции. Из таких лиц известны князья Черкасские — Дмитрий Мамстрюкович и Иван Борисович и князь Дмитрий Михайлович Пожарский. О совместной службе с ними Шаховской упоминает в своих «Домашних записках».²⁹

Оба князя Черкасские отличались знатностью происхождения, богатством, были близки к царю Михаилу Федоровичу по родству и занимали при царском дворе высокое положение.³⁰ Однако наше послание не может быть адресовано ни Д. М., ни И. Б. Черкасским, потому что ни к одному из них не подходит изображение в послании адресата как военачальника, прославленного в боях, не бывшего никогда побежденным «на бранех». Кроме того, оба Черкасские были бездетны, тогда как в послании упоминается супруга адресата «со чады» (302).

Адресатом послания скорее всего был князь Д. М. Пожарский. Потомок князей стародубских, он принадлежал по своему происхождению к «светлым и благоплеменитым», как об этом говорит автор послания. Выдающаяся роль Д. М. Пожарского в борьбе с польской интервенцией и его личные качества также соответствуют характеристике, даваемой автором послания его адресату. Показательно и следующее замечание автора: обращаясь к своему адресату, он выражает надежду, что адресат поможет ему в его «убожестве и сиротстве» «словом», т. е. ходатайством перед царем, но тут же добавляет: «И вижу, чтоб ми еси, государь, и помог, но не возьмет твоя мощь» (176, 179—185). Как известно, Д. М. Пожарский после воцарения Михаила Романова был оттеснен от царя его родственниками и поэтому не имел при дворе большого влияния.

Из биографии князя Д. М. Пожарского известно, что он строил церкви, делал вклады в монастыри, т. е. слыл человеком религиозным и набожным. Поэтому к Д. М. Пожарскому целиком могут относиться те стихи в послании, в которых Шаховской отмечает у адресата «совершенную добродетель к богу и душевное богатство» (20), а также говорит, что знает адресата как человека «верного к богу и правдою аки адаманта твердаго» (227). Вряд ли можно сомневаться в том, что Пожарский, будучи

²⁹ Домашние записки князя Семена Шаховского, стр. 65, 68.

³⁰ О князьях Д. М. и И. Б. Черкасских см.: РБС, «Чаадаев—Швитков», стр. 210—216.

одним из богатых людей в Москве, помогал, при своей религиозности, нуждающимся, вообще занимался «добрыми делами», т. е. благотворительностью. Вклады в церкви и монастыри обычно также сопровождались помощью бедным. Шаховской в послании подробно пишет об этой деятельности адресата, тем более что и сам со своим семейством уже раньше пользовался помощью от адресата (142—149).

Князь Д. М. Пожарский был женат дважды, имел детей — троих сыновей, и в послании, как уже указывалось выше, говорится, что адресат имеет «супругу со чады» (302).

Наконец, указание на то, что адресатом послания является князь Дмитрий Михайлович Пожарский, содержится, по нашему мнению, в следующих стихах послания (280—282):

И аще ти, государю, будет и негоде, не вели ввергнути в подножие,
Зане цареву и рождшаго тя имянуется ту лице божие,
Тако же и свое честно брегий, яко славно и хвально во всех.

В выделенном нами стихе имеется в виду имя царя и отца адресата «Михаил», которое в переводе с еврейского на русский язык и означает «лице божие».³¹

Указание на имя царя дает основание и для датировки послания: оно было написано в царствование Михаила Романова (1613—1645).

Как уже было указано, конец послания, начиная со стиха 288, производит впечатление — по содержанию и по стилю — особого послания. Оно содержит приветствие и поздравление адресату, как кажется, по случаю прибытия его в Москву из похода. Но тогда у всей предыдущей части публикуемого произведения как будто недостает конца (после стиха 287). Может быть, текст второго послания написан был позднее, и составитель (или писец) письмовника соединил оба текста, опустив действительный конец первой части послания, как он опустил и ее начало.³²

Несколько замечаний о литературных особенностях публикуемого послания

Не касаясь сейчас вопроса о его источниках, нельзя не обратить внимания на некоторую связь послания с таким произведением, как «Моление» (или «Слово») Даниила Заточника. Содержание обоих памятников составляет обращение авторов, испытывающих нужду, к своим адресатам с просьбой о помощи, об избавлении от нищеты. Даниил восхваляет щедрость князя, жалуется на горькую нужду и взывает о подаянии. То же мы находим и в послании нашего автора: «Яко некая великая река, — пишет он, — неоскудно всех напоет, Тако твоя прещедрая душа таковым подаянием всех утешает» (118—119). И еще: «И уже не вем, како конец сказати твоей велицей щедрости, Яко помогаешь многим людям в конечной бедности» (134—135).

Текст послания изобилует афоризмами, изречениями, пословицами, подчас сходными с таковыми же в «Молении». Описывая свое тяжелое положение, автор послания подобно Даниилу сравнивает себя с травой, растущей в тени и всеми презираемой; с дубом, поваленным на дороге, который все попирают ногами. В «Молении» Даниила читаем, что «мужу

³¹ Ручкопись № 1413 Государственного архива Калининской области «Алфавит иностранных речей, иже обретаются во святых книгах, не преложены на русский язык», XVII в. вторая половина, л. 59. «Михаил (евр.) — лице божие».

³² Об особом послании говорится здесь и наличие некоторых стихов, почти буквально совпадающих с соответствующими стихами в первой части послания (ср., например, стихи 290—296 со стихами 12—19, 115)

лучше смерть, нежели продолжен живот в нищете»,³³ и Шаховской, стыдясь своей нищеты и истязаемый палачами, пишет: «Рад бы был, иже бы жив въшел во общую мать землю» (158), и далее: если бы «не Христово имя, гонзнул бы живота въскоре» (163), т. е. лишил бы себя жизни. Возможно, что Шаховской был знаком с «Молением» Даниила Заточника.

Одну из основных художественных особенностей послания составляет, как мы видели, обилие сравнений. Для сравнений автор использует библейские образы (например, Юдифь, аспиды глухие, сирские халдеи и др.), исторические примеры (турки, захватившие Палестину, исполнил Неврод), материал из природы (лев, пес, волк, конь, река, трава, дуб, ночь), из быта (бритва, пламень в печи, острые ножи, труба, сосуд негодный, клещи, свечи, «драгие пестроты», дети, не видящие долго отца).

В языке послания преобладают славянизмы, но встречаются и русизмы, например: ражатися, преже, надежа, провожает, нужда, невежа. Нельзя не отметить глагольные формы: милуючи, поминаячи, видючи. Следует указать и случай искусственного славянизма: «есть сияет» (172).³⁴ Наконец, наличествуют немногие полонизмы: незгода, справа, спекуляторей.

Относительно языка публикуемого послания необходимо также отметить следующее: там, где автор восхваляет достоинства адресата, ведет поучительные рассуждения о божественном промысле, о выполнении завета о помощи ближнему и т. п., язык послания традиционный книжно-риторический; но он становится образным и живым при изображении автором своего бедственного положения, мучений от палачей, равнодушия окружающих, своего душевного состояния. В нем даже появляются элементы просторечия, что подчеркивает и сам автор, употребляя выражения: «просто рещи», «отнодь просто рещи». Вот один из примеров употребления просторечья (167—169):

Мню же, яко всякому злато и сребро милее бывает всего,
Или рещи: немилосердие и презорство всех обдержит,
Отнюдь просто рещи: чужая беда и напасть никому не болит

Особенно примечательно употребление автором слова «червишки» при упоминании о своих «сиротах», т. е. детях, в стихах: «И довольно время твоим великим жалованием и с червишками питались» (148); «Чтоб ми, бедному, и с червишками вконец не пропасти» (153). В словаре В. Даля указывается слово «черва́» со значением «детка́», «детва́».³⁵ Это слово взято Далем из языка пчеловодов в применении к пчелиному выводку. Совершенно ясно, что такого же бытового происхождения и слово «червишки», употребленное автором послания.

Оба произведения дают большой материал для наблюдения над дослабической стихотворной формой. Ограничимся рассмотрением особенностей этой формы на примере второго произведения — послания С. И. Шаховского князю Д. М. Пожарскому, как более обширного.

По числу слогов в стихе послание представляет весьма большое разнообразие: от 7 слогов в самом кратком стихе (17) до 33 и 35 в самых длин-

³³ «Моление» Даниила Заточника по тексту в «Хрестоматии по древней русской литературе XI—XVII веков» (Составил Н. К. Гудзий, М., 1952, стр. 141)

³⁴ Такой же случай в послании Стефана: «есть прибегаем» (55)

³⁵ В. Даль. Толковый словарь великорусского языка, т. IV. М., 1956, стр. 590. отсюда «червить — пересадить гнездо, вошину с червой в улей».

ных (233, 271). Большое разнообразие обнаруживается также в рифмах. Среди них преобладают женские как глагольные, так и других частей речи: неложно — невозможно (17—18), роды — незгоды (44—45), царицу — десницу (54—55), напасти — пропасти (152—153) и др. Прменяются и другие виды рифм: мужские — пером — умом (25—26), разорил — низложил (37—38) и т. п.; иногда с переносом ударения: печи — рещи (27—28), вопием — змием (248—249), всех — бранех (282—283) и др.; дактилические: ражаться — вооружаться (9—10), прошение — поношение (31—32), побарателей — наругателей (42—43) и др.; ассонирующие (в большом числе): храбръстве — богатъстве (19—20), Российскойю — Палестинскою (35—36), безсловесных — безвестных (86—87) и др.; из этого вида встречаются рифмы оригинальные по звучанию: низложил — ножи (38—39), омакая — подкланяю (150—151), правду — измарагду (180—181) и др.; имеет место и случай гипердактилической рифмы: тихостию — милостию (112—113). Далее, можно отметить такие особенности: повторяемость рифм: божия — подножия, подножие — божие (242—247, 280—281), тихостию — милостию, милости — тихости (112—113, 122—123) и др.; привлечение в некоторых рифмах слов из разных слоев языка: молитва — бритва (15—16), богу — ногу (56—57), постигла — постригла (210—211), вон — сон (220—221) и др.; употребление слов с конечной мягкой и твердой согласной: покров — кровь (202—203), отнюд[ь] — студ (228—229); слов одного корня: дателя — создателя (120—121), воздаяние — подаяние (126—127) и др.

Строфико-ритмическое строение данного послания, как и первого, представляет собою совокупность рифмованных двустиший, за исключением стихов 37—39, где даны три рифмующихся стиха: разорил — низложил — ножи, и двух стихов без рифм (298—299). В первом послании — Стефана к Арсению — стихов без рифм больше (7, 22—24, 49, 58, 125, 172, 173). В целом второе послание свидетельствует о более совершенной стихотворной технике его автора — С. И. Шаховского, чем автора предыдущего послания — Стефана.

В заключение нельзя не указать, что оба публикуемых послания представляют большой литературный и исторический интерес. К немногим известным до сих пор досиллабическим произведениям первой половины XVII в. присоединяются и наши послания, дающие новые доказательства распространенности и популярности стихотворного творчества этого вида среди русских образованных людей. Кроме того, оба произведения дают богатый материал для изучения собственно поэтики досиллабического виршетворчества, исследованного до настоящего времени все же недостаточно.

Первое послание напоминает о незаслуженно забытом в истории исправления книг на Руси в XVII в. справщике Арсение Глухом, стоящем в одном ряду с просвещенными передовыми деятелями того времени. Вместе с тем в число писателей, представителей русского досиллабического поэтического творчества, включается и новое имя — некоего Стефана.

Второе послание, автором которого мог быть, по нашему мнению, только князь С. И. Шаховской, с полным основанием позволяет говорить о нем как о писателе-стихотворце. С другой стороны, оно подтверждает тесные связи С. И. Шаховского с таким выдающимся деятелем первой половины XVII в., как князь Д. М. Пожарский. Из данного послания мы узнаем, что князь Д. М. Пожарский принимал близкое участие в судьбе опального С. И. Шаховского и оказывал ему и его семье помощь. Это вносит нечто новое и в биографию князя Д. М. Пожарского.

ТЕКСТЫ

I

Послание Стефана иноку-справщику
Арсению Глухому

- л. 34 Великому честнейшему иноку Арсению
 И всеизящному твоему разумению,
 Многогрешный и неключимый раб,
 Иже желает получить души своей отрад,
 5 Последний во всех человецех,
 А первый в грешницех.
 Не всяк может слагати душеспасительныя стихи
 И несть достоин нарещися чину священъства
 И изрядного на себе по чину носити иерейства,
 10 Но обаче отрыгновение твое по именованию венецъ
 Тако же молит получить от бога добрый конецъ,
 Падая на земли, много челом бьем^а
 И от сердечнаго желанія к тебе вопием:
 Буди, боголюбиве, здрав и спасен
 15 И паки всегда добрыми делы поновлен,
 А нам бы слышачи твое доброе пребываніе радоватися.
 И противу бы врагов своих крепче ратоватися.
 А желаем очи и лице твое в радости видети
 И вся грехи своя злыя возненавидети.
- л. 34 об. 20 А пожалуешь своим || благоутробіем про нас вступишь,
 Да даст ти господь, чего у него просишь.
 А мы грешнии по сей час душевне живы,
 Аще и возрастают в ней помыслы гнилыя.
 А в сквернем теле его же святая воля,
 25 А въпред он же сам истинный свет вестъ
 И судьбы его кто от человек исповестъ.
 Что же, како и откуда начнем писати
 И к тебе, любимому, ны слово утешительное послати.
 Грехом своим умом свучилься^б весьма туп
 30 И не умею списовати изрядными поступы,
 И ф философских училищах николи же не бывал
 И литорьских остроном сам веси не читал,^в
 Токмо на простописаныя взираю
 И тех изящно разумевати не возмогаю,
 35 Сокращенне рещи, великое море не требует рек,
 Подобне и бог не скуден, аще и хвалим от неких человек.
 В лепоту море и без рек всегда полно,
 40 Также и у бога идет все || стройно.
 Также и тебе, велеумну мужу,
 Не имети от нас недостаточных таковую нужу
 И не тебе наше грубое и бесполезное плетение,
 И да не въменится аки паучинное прядение,
 И не подобает нам выше себе искати,
 И такое же бремя на себя налагати,
 45 Подобает же нам грубым от вас просвещатися
 И доброму учению и разуму наиматися.

^а Испр.; в ркп. бьет.^б Так в ркп.^в Испр.; в ркп. читали.

Паче же начнем глаголати, о чем нам мысль предлежит
 И всегда душа наша зелне горит,
 Якоже бо некая чада, имеюще печаль, аки некое великое время
 50 Не видевъше рождших своих, и не могут их забыти
 И сердце свое от таковыя печали свободити,
 Подобне и мы таковую скорбь о тебе имеем
 И пособити себе никакo недоумеем,
 Свидетеля тебе истиннаго бога представляем,
 55 К нему же есмы вси грешнии прибегаем.
 Почто, всеизрядне, царствующи || град оставил,
 А любомудрия своего нам грешным не прибавил?
 Паче же в нем великия и красныя холмы,
 И укрепился еси ныне во единой ограде жити,
 60 Или обещался еси до конца от нея не изыти,
 Или вспомянул еси в себе божественное писание
 И в нем духовное ваше воспитание.
 Свободь всяк инок трех страстей,
 И да избавлен будет многих прелестей.
 65 Ей, ей, воистинну тако может быти,
 Да не всяк так возможет жити.
 Или еще реченое, четырьми делесы душа инокоу оскверняется,
 И пребываяй же в таковых, едва спасается.
 Великому елѣандру и царския дворы пустыня бывает,
 70 Тако же и крепкий подвижник на всяком месте не погибает.
 И аще и нигде бесовских козней не избежати,
 Но легчае будет многия виды от себя отревати.
 Ни учителя, ни указатели тебе хошем быти,
 Ни душевнаго твоего благородия повредити
 75 Ни, убо ни, не буди, любимиче, || тако,
 Но за духовную любовь глаголем ти всяко.
 Прекратим же слово о сем,
 Да не вконец продолжено будет в нем,
 И да не отягчим твоих честных ушес,
 80 И да не явим своих всех неизрядных словес,
 И паки возвратимся к своему нам желанию,
 Некли вонмеша грешному нашему стенанию.
 Прииди, возлюбленне, в царствующий град,
 Да насадиши в душах наших доброплодный виноград.
 85 И вселися по-прежнему близ царствующаго града,
 И да будет мысли нашей велика в том отрада,
 И пребуди с нами хотя мало время,
 Да отринеш от нас аки некое великое бремя
 Не для ради многих людей и славы человеческия,
 90 Но для ради меж нами любви отеческия
 Болезнуем всегда о тебе душею и телом,
 Да не можем тому пособити некоторым делом,
 Свидетель тебе той же истинный бог,
 Иже по своей милости || возносит християньский рог.
 95 К кому нам недостаточным и грубым притещи,
 И грубость свою и печаль с кем разврещи?
 Кто нам слово сомнительное разрешит
 И колеблющую мысль нашу умирит?
 И егда¹ нас раздражают и грехом нашим стало велиим,²

л. 35 об.

л. 36

л. 36 об.

¹ В ркп. начало слова стерлось. ² Испр.; в ркп. великим.

- 100 И всем им востати на нас, аки зверем дивим,
И ненавидят над нами от самодержца призрения,
Понеже несть от нас к богу сердечного моления.
Аще бы было от нас сердечное к богу моление,
Тогда бы было к нам царское призрение.
- 105 И паки, потому царь к нам не призирает,
Что недобродетель наша к богу возбраняет.
И в том им, ненавистником нашим, сугуба бывает радость,
А нам от них всегда сердечная бывает пакость.
Подобает же нам усердне богу молитися,
- 110 И да учнут враги наши нам дивитися.
а 37 Скорбим же и болезнуем || всегда о себе,
Не менши же того, любимиче, и о тебе.
Како еси, аки драгий бисер, в земли погребен
И никим же никако еси призрен.
- 115 Аще по твоему крепкоумию тебе то не нужна,
Но нам бедно видети, видев тя такового досужа
Есть разумичных людей в великом государстве,
Но не излишной и ты был в Московском царстве.
Протчее о таком словеси помолчим,
- 120 Да не злую зависть в протчих сердцах возбудим
Что же еще-ли нам тебе о сем молити,
Чтобы тебе к нам однолично быти,
Или же отнюдь хоцещи быти непреклонен
И к нам явится аки весма нелюбовен,
- 125 Или не на ползу тебе сие наше моление
И в том во всем твоя воля буди,
Токмо молим тя, и там нас не забуди
И не лиши нас добраго своего приближения
И не отстави от себя нашего прошения,
- 130 Чем тебя всемилостивый бог обогатил^с
а. 37 об. И аки || великим некоем царством тя одарил.
И мы, грешнии, помышляем к тебе сами быти,
И некое время у твоего любомудрия побыти.
Сам веси, что желание ны велико,
- 135 И грехом своим продолжим время толико.
Да одна Дамаскиновы многоразумныя книги,
И связаны есмы мыслию об ней, аки некими вериги.*
И всегда помышляем к твоему любомудрию быти,
Да от житейских сует немощно отбыти.
- 140 И ты б еси пожаловал нас к себе ждал
И никако-б нас во уме своем отревал.
А в том на нас, возлюбленне, своего гневу не поддержи,
Ниже лютую злобу во уме своем удержи,
Что писанейцем к тебе по се время укоснел.
- 145 Воистинну всегда приходу твоего сюды хотел.
И молим тя, да не зазриши сему нашему плетению,
Понеже возгарати в нас по сем великому рачению
|| Сам веси, что все от веры ражается,
И духовному любовнику по любимом друже душа возгарается
- 150 А се толико время писанейца к тебе не присылывал,
Для того и умножил, чтобы ты его возмиловал.

^с Испр.; в ркп обогати * Испр.; в ркп. веригами.

Буди покровен десницею вышняго,
 Да до конца сохранит тя от свирепства нижняго.
 И моли бога за ны грешныя,
 155 Да избавит тя от муки вечныя.
 И сердечному же моему другу священнику
 И общаго християнъскаго народа молебнику имярек
 Великое от меня челобитие,
 И обоим вам вкупе сердечное рукобитие.
 160 И сие грубое мое писанейце любезне прочтите,
 И что в нем не исправлено, в том не осудите.
 И за духовную любовь покройте все собою,
 Да не посмешно вам будет нигде грешным мною,
 Весте сами, что забвение и неведением на всех хвалится,
 165 А имей ум смущен, никакo же забвением избавится
 || И паки весте, что живем в суетах житейских
 И во всех своих злых делах меръских,
 Потому краткий ум наш до конца темен бывает
 И глубины разума никакoже достизает.
 170 И сие писанейце случилось послати к вам въскоре,
 А потому уму моему стало уже в-ызморе.
 Аще бы и мощно где что лутче посправити,
 Но не мощно было ездоков к вам дождаться.
 Прочее молити бога за мя многогрешнаго,
 175 Да избавит мя от огня вечнаго. Аминь.
 Прочетши бы есте сие писанейце не истеряли *
 И до меня его у себя держали.
 Сами весте, что положено трудов немало,
 И только грубаго ума нашего в том стало.

л. 98 об.

(КПИ, № 29, лл. 34—38 об.).

II

Послание князя С. И. Шаховского князю Д. М. Пожарскому

.....
 11 Твое же, государь, писано словенъски по краегранесии
 Аще умом своим вонмеши, тогда да увеси
 Наше же убогое, не весма ти объявлено,
 Занеже многими и безмерными грехи обременено.
 5 Нестъ ползы во многогрешном нашем нарицании,
 Аще не пребудем в добродетельном деянии.
 Ваше же бы явно и славно было везде,
 Чтоб враги царевы боялись во всякой орде.
 Подобае паки светлым и благоплеменитым ражаться
 10 И против сопостат мужественне вооружаться,
 Без таковых бо земля крепко и славно не может стояти,
 Вящи же всего весилна бога достоин на помощь призывати.
 Яко не силою бывает брань, но божиим поможением
 И богоносных || и чюдотворных отец к нему молением.
 15 Занеже всего силнее бывает чистая к богу молитва,
 И на невидимыя враги, аки некая изошренная бритва.
 Ей, ей, тако неложно,

л.

л. 4 б

* Испр; в ркп истеряти.

Без нея быти невозможно.

И еще ми много слово недостало рещи о твоём мужестве и храбрѣстве,
20 И о совершенной твоей добродетели к богу, и о душевном паки
богатстве,

И о божиих к нам великих щедротах, и о долгом терпении,
И о нашем к нему жестосердстве и всегдашнем неисправлении.
И хотим вспомнати твою к себе милость и рещи о своей скорби
и недостатке,

Не мощно бо великия ради нужды преминути сего въкратце.

25 И еще без лености хочу потружатися чернилом и пером

И убогою своею мыслию и недостаточным своим умом,

Понеже мысль моя разгорается во мне, аки пламень в печи,

л. 48 Нудит мя о всем || твоём добродеении доволне рещи,

Аще и без нас недостойных идет о тебе предобрая слава всюду,

30 Яко всегда имеши на враги меч свой остр обоюду^а

Да неизлиха будет и наше малое сие к тебе, государю, прошение,

Понеже отняли есте тогда от всех поношение.

Что же рѣем и что возлаголем, но вспомнянем выше реченное слово.

Было же врагов наших зияние на нас, аки рыкание львово,

35 И мыслили во уме своем владети во веки землю Руссийскую,

Якоже поганья богомерзкия турки и ныне владеют Палестинъскою

И господь бог совет их разорил

И гордость их до конца низложил.

А ведомо есть, стояли на нас, аки острия ножи.

40 И паки господь бог не дал им того сотворити и по их умышлению
не учинилося,

И все великое государство на них врагов въкупе с вой собралося.

л. 48 об. И дал нам бог || вас крепких и неслестных по вере побарателей,

Что отгнали от нас таких злых и немилостивых наругателей

И что учинил^б такову славу и похвалу в нынешния роды,

45 Якоже вы избавили всех православных християн от конечных тоя
незгоды.

Неложно паки пред всем государством правда ваша изошла,

Якоже преже помянутая Июдив всего Израиля спасла,

Якоже тогда от единых жены все асириане ужасилися

Такоже и наши враги от крепкаго вашего сражения смесилися.

50 И побегоша кождо их с страхом и трепетом и придоша неправе,

И не возмогоша урядитися к многокозненной своей справе,

И обьят их весь страх и трепет от вашего против их воополчения,

Паче же от божия и от пречистыя его матери и нашея заступницы
поможения.

А и ныне надемся на божия его щедроты и пречистую царицу

л. 49 55 И ея ради || молитв являет^а нам победительную свою десницу,

И на государевы праведныя молитвы, яже самому¹ всеильному богу,

Да претъкнет их окаянных и богоборных нечестивую ногу,

И на вас крепких его государевых воин и неизменных воевод,

Да разсеяни будут с своим умышлением, аки древний исполин Неврод,

60 Понеже без вины хотят нашу православную веру на разорение.

Обаче рещи есть и наше пред богом велие и согрешение

Сего ради подобает о том бога молити и просити со слезами,

Понеже всегда за грехи наша смиряет нас всякими бедами.

Аще учнем ему с верою молитися, не предаст своего создания

^а Испр.; в ркп. обоюду остр. ^б Начало слова в ркп. стерлось. ^в Начало слова в ркп. стерлось. ¹ В ркп. слово читается с трудом.

- 65 И не презрит и ныне по-прежнему нашего к нему стенания.
 Милостив и премилостив есть, утолит свой гнев и ярость
 И даст нам над ними, над враги, по-прежнему велию радость.
 Якоже и сам инде глаголет: «Обратитесь || ко мне и обращуся к вам л. 49 об.
 И учиню вас страшны и грозны многим окрестным ордам,
- 70 Аще ли не послушаете мене, чюждия землю вашу поядят,
 И жены ваша, и дети, и богатство все пленом пленят.
 И по сему его святому речению вся над нами за грехи наша збылося,
 И великое государство во многих концах от них врагов разорилося.
 Милуючи господь бог посылает на нас таковыя скорби и напасти,
- 75 Чтоб нам всем злых ради своих дел вьконец от него не отпасти.
 Свойственно бо есть християном в сем житии скорби и беды терпети
 И к нему, своему творцу и богу, неуклонно всегда зрети
 Аще бы не посылал на нас таковых бед, отпали б его вконец.
 И никто тамо получил бы нетленный венец.
- 80 И никако же бы удерживалися от зла и шли б вси в муку вечную,
 И ни един бы сподобилъя внити в радость безконечную.
 Сего ради премудрым || своим промыслом и правдою все устроет, л. 50
 И аки коня браздою, тако и нас тацями бедами от грех возвращает.
 Аще бы не тако нас возражал, и зверей бы дивиих горше были,
- 85 И паки бы вконец друг друга и брат брата не любили
 Что же нас и так лютее и жестосердее? Кое естество в безсловесных?
 И кто может исчести, колико бывает над нами смертей безвестнах?
 И зря над собой такови скорби и никако же от зла отвращаемся,
 Но и паче друг на друга, аки враг на врага, завистию вооружаемся.
- 90 И милосердный господь, еще терпя нашим грехом, ждет нас на покаяние,
 Того ради посылает на нас таких лютых врагов в наказание,
 Некли приидем в чювьство и принесем к нему сердечную вероу,
 Да воздаст нам и во оном своем веце сторичную меру.
 Аще ли и тем не накажемся, || что нам будет от него, от своего творца, л. 50 об.
- 95 Понеже никако же не можем смиритися преже конца.
 Писано есть: «Отраднее будет Содому и Гоморе, неже тому роду».
 Приличны же и мы к сему речению, поне забываем прежнюю свою
незгоду
- Сего ради не на тщету, но на ползу дает нам таковы казни
 Чтоб нам жити пред ним, своим творцом, не без боязни,
- 100 Якоже негде пишет: «Ползует пельнь злопитающих утробы»,
 Тако и мучением грешным полза, зане възбраняет от всякия злобы.
 Тем не люто нам прияти язва, люто по язве не наказатися,
 Ей, подобает нам всем от злых своих дел отвращатися,
 Да не сами себе будем враги и уготоваем вечныя муки,
- 105 И zde не впадем врагов наших нечестивых руки.
 Положим же паки надежу на всемилостиваго в щедротах,
 Он же || избавил своего Израиля, бывъшаго во многих работах. л. 51
 Его святая воля, что хоцет, то по своей воли и сотворит,
 Аще не захоцет предати нас, то врагом нашим конечно возбранит
- 110 Ты же, государь, буди всегда чист душею⁴ своею и телом,
 Понеже во оном веце всяк восприимет по злым и добрым делом,
 И держи храбрость с мужеством и подание с тихостию,
 И господь бог будет к тебе с великою своею милостию.
 Обаче рещи, и так дела твои, аки труба вопиют всегда,
- 115 Не щадиши бо лица своего противу сопостат никогда.

⁴ В ркп. это слово надписано над строкой.

К тому же присовокупил еси велие милосердие ко всем,
 Всякаго приходящаго к тебе не оскорбляеши ни в чем,
 Яко некая великая река неоскудно всех напоет,
 Тако твоя прещедрая душа таковым подаванием всех утешает.
 а. 51 об. 120 Ей, воистинну не имеем себе ныне такова || благоутробна дателя.
 Да будет ти за то мѣзда от всех творца и создателя
 Зритель тебе господь, вси людие дивятся твоей величицей милости,
 Никто же бо оскорблен бывает, приходя к твоей благонравной тихости.
 Ты же, государь, во уме своем не скорби, ниже паки стужай,
 125 Но на мѣздовоздателя всю надежу свою и упование полагай,
 Той бо воздаст ти во оном своем веце стократное воздаяние,
 Зрит бо в сердцы твоем неоскудное ни тщеславное ко всем подаание,
 Якоже и сам глаголет: «Блаженни милостивии, яко тии помиловани
 будут».

А немилостивии и жестосердии вечных мук не избудут.
 130 Ничто же есть вящи милости, та бо множество грехов прощает,
 И не токмо до небеси, но и до самага престола божия душу провожает.
 а. 52 И паки: велик человек милостив, и хвалится милость на суде,
 Того ради || слава твоя добрая и хвала идет ныне везде.
 И уже не вем, како конец сказати твоей величицей щедрости,
 135 Яко помогаеши многим людем в конечной бедности,
 Поминаючи божественное писание, яко «дающаго рука не оскудеет»,
 А удержаваяй богатство и ничто же себе успеет.
 Того ради многое православие за тебя, за государя, молят бога и
 владыку,

Еже бо еси много православных прекормил и учинил славу и похвалу
 великую,
 140 И ныне не пременил еси своего добраго обычая и нрава, всех утешаешь,
 И всякаго приходящаго к тебе никогда не оскорбляешь.
 И не презрел еси, государь, и нашае тогда великия скудоты,
 Прекормил еси нас с супружником нашим и с родшими от нас сироты.
 а. 52 об. 145 И потом не въменил еси себе в тягость нашего же к тебе стужения,
 И не видя от нас некоторого || к себе рабьского послужения,
 Пожаловал нас своею великою милостию и нищих^с нас *не отпустил,^в
 Но человеколюбец бог добрая тебе, государю, на ум положил,
 И довольно время твоим великим жалованием и с червишками питалися,
 И всегда поминаючи твое милосердие к себе утешалися.
 150 Паче же плачю и рыдаю и горкими слезами землю омакая,
 И к твоим^д государьским честным ногам главу свою подъяклоняю,
 Буди ми помощник и заступник в сей моей беде и напасти,
 Чтob ми бедному и с червишками вконец не пропасти.^к
 155 И во веки бы за тебя, за государя своего, бога молити,
 Чтob тебе, государю, вся желанная от него получитьи.
 Сам, государь, веси, напрасно стражу и погибаю,
 Помощника и заступника себе в таковой сущей беде не обретаю.
 Рад бы был, иж бы жив въшел во общую матерь землю,
 а. 53 Понеже || на всяк день смертное биение от спекуляторей приемлю.
 160 Но не мощно ми сего сотворити, что самому себя смерти предати,
 И многогрешная душа своя и тело во ад низпослати.
 И паки веси, государь, стою всегда не на лепом том позоре,
 Аще бы не Христово имя, гонзнул бы живота въскоре,
 Тем укупаю себе живота от того тления смертного,

^с В ркп слово читается с трудом. *^в В ркп, оба слова залиты чернилами.
^д Испр.; в ркп. твоих. ^к Испр.; в ркп. пропасть.

- 65 Не хитро и не славно осудити и погубити мужа безответнаго
 А не имею милующаго ни ущедряющаго отнюд никого,
 Мно же, яко всякому злато и сребро милее бывает всего,
 Или рещи: немилосердие и презорство всех обдержит,
 Отнюдь просто рещи: чюжая беда и напасть никому не болит.
- 170 И вержен есмь, аки камень в море, никим изъвлеком,
 Аще бог человеклюбец не пощадит праведным своим судом.
 Разве вижу || в твоём сердцы есть сияет истинный свет, 1 53 00
 Поне бо даешь ми, государь, всегда благоутешный ответ.
 И паки умилися сердце твое о нашем убожестве и сиротстве.
- 175 Но избран еси сосуд уродился во своем благочестивом родстве,
 И вижу, чтоб ми еси, государь, и помог, но не возмет твоя мощь,
 А уже нам, грешным, в скорби сей и день, аки темная ночь.
 И на том тебе, государю, много челом бью, падая на лице земли,
 И ты, государь, душею своею и сердцем себе внемли.
- 180 И то тебе, государю, вменится в самую истинную правду,
 И всегда помышляти таковое дело твоему разсудному измарагду
 Ничто же бо таковыя милости вящи у бога не бывает,
 Кто в скорби и беде поне малым чим помогает.
 Писано есть: «Аще не можешь помощи || делом, и ты поне словом, 1 54
 185 Яко утвердит кто непокрыту храмину твердым кровом».
 Аще ли, государь, не возможешь тем ныне помощи,
 Не прогневайся, иже о чем тебе, государю, дерзнем изрещи.
 Что же реку и что възглаголю и како еще дерзну к твоему величеству³
 Не вем бо числа сказати твоему милосердному количеству.
- 190 Велик студ и зазор обдержит к тебе, государю, стужати,
 Но презельныя ради скорби и беды не могу в себе молчати.
 Понеже нужды ради весь страх и срам в сердцы отлагается
 И кто на страсть не дерзает, той желаннаго своего не сподобляется.
 Общая наша госпожа и всех томителница свойства своего жаляет,
 195 И для ради прироженнаго своего естества весь срам отлагает,
 Яко некоторый гладный пес или волк на вся человеки шибается,
 Подобно же тому и гладная утроба || никого не срамляется 1 54 06
 И паки: ничто есть тако зло всякому человеку, якоже глад,
 Его же ради некогда взят бысть не един великий и преименитый град
- 200 В лепоту реченно: глад уязвляет не менее меча,
 От него же и самых крепких и сильных немощны бывают плеча,
 И всякому человеку начало животу хлеб и вода, риза и покров.
 Ей, ей, не мы глаголем,⁴ но сама наша великая нужда и кровь,
 Аз же грешный за премногия грехи своя всего того пуст.
- 205 Но токмо мало нечто имею изо многогрешных своих⁵ уст.
 Тем убогую свою душу и тело питаю и утешаюся на всяк день и час.
 И еще не презре нас до конца своими щедротами всемилостивый спас.
 И что было ваше жалованье, государей моих, то все изошло,
 А ныне, государь, и сам веси по грехом по нашим понужное время
 пришло.
- 210 А се, || государь, особная великая скорбь и беда за грех мой постигла 1 55
 И без чернаго одеяния и без самовольнаго обещания до конца постригла.
 А не имею милующаго ни ущедряющаго искренно в нынешнее время,
 Зане, по апостольскому речению, уродилося все немилосердное семя,
 И злым немилосердием и скупостию одержими, аки слепотою.
- 215 И самохотно гнушаемся душеспасительною нищетою.
 Саго ради презираем есмь от всех, аки трава, растящая в засени,

¹ Испр, в ркп глаголет ² В ркп далее одно слово зачазано чернилами

- Поистинне нелепо рещи: от великая тоя печали подобен есмь стени,
 Или яко дуб^н при пути повержен, от всех ногами попираем,
 Также и аз грешный и недостойный от всех человек презираем,
 220 Или яко некий сосуд непотребны изметаем бывает вон.
 А ведомо есть, и всяко земное житие пар^о есть и сон.
 И что ми о том много вещей к твоему благородию приводити,
 4. 55 об. Подобает же на всесилнаго || бога вся надежа возложити.
 Той всем нам надежа, и упование, и промысленник и кормитель,
 225 И на вся видимыя враги наша непобедимый прогонитель.
 И еще мышлю в сердцы моем, надеюся на тебя, государя моего
 милосердаго,
 Вем бо тя верою к богу и правдою, аки адаманта твердаго.
 Якоже и прежде рех, не имею милующаго, ни ущедряющаго отнюд,
 Вем бо паки, многих свела лютая скупость и немилосердие, внезазорный
 студ,
 230 Не поминающе апостольскаго речения: «Не брашном брата своего
 погубляй,
 Но егда в нужди и беде есть, тогда ему всячески помогай».
 И паки пишет: «Брат от брата помогаем бывает,
 Яко град тверд, а презирающии и немилующии и сами своим душам
 вечныя муки проуготовляют».
 Ты же, государь, не внимаи, не ревнуй таковому злому обычаю и нраву,
 4. 56 235 Да получишь себе не токмо zde, но || и тамо у Христа бога вечную
 славу.
 Еще молю твою премилостивую и многощедрую ко всем утробу,
 Да не прежде времени предадимся бездушной вещи гробу.
 Ущедри свое благонравное сердце и буди въместо бога,
 Да сподобишися стати у самаго его небеснаго чертога.
 240 И паки: укупи благородной души своей и телу спасение,
 Да будеши имети у владыки Христа бога велие дерзновение,
 Понеже всех добродетелей вящи у него вменяется
 И у самаго его страшнаго и неприступнаго престола поставляется,
 Иже кто в скорби и беде сущей другу своему поможет,
 245 Той воздуха и облаки и солечныя луча пройти возможет,
 Якоже и выше рех, стати у самаго его престола божия,
 А мы, грешнии, плачемся, стоя у твоего государева подножия,
 Э горкими слезами и болезненным сердцем к тебе, государю вопием,
 Понеже по грехом своим преданы есмы злым || и немилостивым змием.
 4. 56 об. 250 Иже на всяк день и час тянут сердце, аки клещами,
 И злым умышлением измождавают жилы, аки огненными свещами,
 Для ради своего тленнаго прибытка и кровавыя корысти,
 Понеже извыкли, аки червь, древо православных христиан грысти
 Пожалуй, государь, что на искупление от того тления смертнаго,
 255 Да сподобит тя господь бог со избранными своими венца нетленнаго.
 И на препитание многогрешной души и телу и з горкими сиротами,
 Да украсится душа твоя добрыми дельми, аки драгими пестротами,
 Как тебе, государю, вышняго промысл известит и пречистая его мати.
 Да даст ти всегда силу и помощь враги царевы побеждати.
 260 И молю тя, государя, ^н в гнев не положити,^н
 Ни в великую тягость и паки не позазрити,
 Поне от нужды и от беды тако дерзаем
 4. 57 И твоему достойному величеству и добродее || докучаем.
Аще бы не в таковой скорби и беде, не так бы тебе, государю, и скучали,
^н Испр.: в ркп. руб. ^о Испр.: в ркп. пара. ^{н-н} В ркп. не положити в гнев.

- 265 Разве бы милосердаго слова и сладкаго ответа от тебя ждали.
 Вем бо, что уже тяжко ти, государю, от нас вменится,
 Да зритель господь, что не к кому, кроме тебя, государя, приклонится.
 Многи бо, аки аспиды глухия, затыкают своя слухи
 И забывают, яко неимущих ради дает бог благорасторены воздухаи.
- 270 Аще помиловал еси господь^р от небеснаго царя, и земнаго
 Сам помилован будеши. Не погуби самовластным изволением шесточис-
 ленного камени драгаго,
 Пожалуй нас, грешных, и призри в конечной сей беде,
 Да даст ти господь благая и полезная получитьи везде.
 А мы должны за тебя, государя, 'его молить^с
- 275 Дондеже и душа в теле, чтоб тебе, государю, и до смерти правда
 творить.
 Кто словом и делом последний невежа, въсе в его божиеи и всемогущей
 безсмертной деснице || содержится, л. 57 об.
- И кто на него уповае, той во всем врагов своих не убоится.
 Его святая воля буди, что хошет, то по своей воли и сотворит,
 И за твою великую правду и кровь сугубо ты воздарит.
- 280 И аще ти, государю, будет и негодие, не вели ввергнути в подножие,
 Зане цареву и рождышаго ты имянуется ту лице божие,
 Тако же и свое честно брегий, яко славно и хвально во всех,
 Понеже бо еси, государь, не бывал никогда побежден на бранех,
 Паче же самага бога и пречистыя его матери, общезнаша заступинцы,
 285 Сам, государь веси, та посремляет вся законопреступницы,
 Чтобы божию имени, его матери, купно и цареву не было бранно.
 Веси паки и сам, что християньское имя от всех родов произбранно.
 Паки^т здравствуй, государь, о всещедром Христе,
 И побеждай враги царевы о пречестнем его кресте,
- 290 Еже бо тем бывает || на них победа и одоление, л. 58
 И некли услышит господь наше к нему моление,
 И чтоб вам, государем, дал бог на них, супостат наших, победу,
 Отнюд просто рещи, не осталось бы их в земли нашей следу.
 Мнози бо людие дивятся мужественному твоему храбрству.
- 295 И радуются, что бог тебя принес к великому государству,
 Поне всегда против сопостат лица своего не щадишь,
 К богу и царю и ко всем человеком правду творишь,
 И сподобил ты владыко видети образ пречистыя царицы,
 Та бо всегда подает победу на враги,
- 300 Потом же в светлости и радости лице цареву,
 Его же роди^у и воспита благоплодное чрево.
 Тако же и свою рождышую и супругу с чады,
 Все бо от бога и от вас чаем отрады.
 Еще же и ближних своих приятелей и добродеев,
- 305 Да побьет врагов правда твоя, аки огонь сирских халдеев.
 Потом же паки виде все || православное множество, л. 58 об
 Желали же видети твоего зрака и наше убожество.
 Мнози бо паки жадали видети в радости твоего лица,
 Аки дети, долго не видючи своего отца.
- 310 Свидетель на то бог,
 Иже возносит християньский рог. Аминь.

^р В ркп. это слово написано вместо зачеркнутого государь. ^с В ркп. молить его.
^т В ркп. сделан абзац и инициал П писан киноварью. ^у Испр.; в ркп. ради.
 (КПИ, № 29, лл. 47—58 об.).